

НЕКРАСОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ
Н. А. НЕКРАСОВ
БИОГРАФИЯ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1938

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ.

А 654

СЕРГЕЙ АНДРЕЕВ

Н. А. НЕКРАСОВ

БИОГРАФИЯ

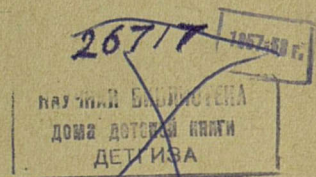

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1938 Ленинград

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор *И. Прусаков*
Худож. редактор *П. Суворов*
Техн. редактор *Р. Кравцова*
Коррект.: *О. Каплан и Ю. Ногова*
Сдано в производство 17/XII 1937 г.
Подписано к печати 27/XII 1937 г.
Формат 82 x 113¹/₂. 3¹/₄ печ. листа
(3,36 уч.-авт. л.).
Детиздат № 1514. Индекс Д-7
Уполномоченный Главлита Б-35137
Тираж 200 300. Заказ № 1809

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Сушевский вал, 49.

682351 КХ-регр

Российская государственная
детская библиотека

I

Этот полуразрушенный помещичий дом, угрюмый, похожий на тюрьму, стоял у самой дороги. Дорога шла из Москвы и, нескончаемая, бесконечно длинная, вела в дремучие, неисхоженные сибирские леса.

Весной и в холодную осеннюю слякоть и туман, в летний зной и в метельные зимние дни раздавался на этой дороге холодный и тихий кандалный звон.

Тяжелым, усталым шагом шли по ней в далекие сибирские тюрьмы закованные в кандалы арестанты.

Когда проходила партия кандалников, из мрачного дома выбегали на дорогу дети — посмотреть на этих бредущих в страшную даль людей. Из детей один — невысокий, коренастый мальчик — как-то особенно внимательно и печально смотрел на усталых и измученных людей. И, глядя на них, раньше чем о преступлении, он узнавал о наказании и безмерном горе людском.

За домом, невдалеке, текла величавая Волга. На реке глухо шумели камыши, а вдали виднелся синий бескрайний лес. Мальчик, — так внимательно и нередко со слезами смотревший на кандалников, — часто убегал на Волгу и любовался ею.

И вот, однажды, забывшись в мечтах, он был пробужден негромкими, хриплыми стонами. Низко склонив голо-

вы, свесив руки, в лохмотьях, с выражением мертвой покорности на изможденных лицах, берегом шли бурлаки. Он пошел за ними.

Когда бурлаки остановились, сняли лямки и стали варить нехитрое свое варево, он подслушал их разговор.

Угрюмый, больной и тихий бурлак со спокойно-безнадежным взором, оборванный, глухим голосом жаловался на растертое ляжкой плечо и говорил, что хотел бы умереть к утру. Он умолк и лег навзничь.

Лишь поздно вечером, без шапки, чуть живой, вернулся мальчик домой. Наутро он опять побежал на реку. И, стоя на берегу родной реки, он горько и долго рыдал. И тогда же назвал он великую реку рекою рабства и тоски.

Вот те картины, которые видел Некрасов в детстве.

А в доме господствовал его отец, жестокий и разнузданный крепостник, всю жизнь мучивший подвластных ему крестьян. Одно время отец Некрасова служил исправником. При поездках по своему району он иногда брал с собою и сына, и мальчик был свидетелем жестоких расправ с крестьянами, свидетелем того, как в ногах у отца валялся какой-нибудь избитый в кровь и часто ни в чем не повинный крестьянин. Глубокую неприязнь, доходившую иногда до ненависти, питал Некрасов на протяжении всей жизни к своему деспоту-отцу.

В знаменитом стихотворении «Родина», вспоминая детство и отца, Некрасов писал:

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть...

.

И на бок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил...

В доме, где господствовал этот дикий крепостник, за-
творницей жила несчастная мать поэта —

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах...

Нелюбимая мужем, который нередко поднимал на нее
руку, а иногда, для потехи, привязывал к дереву, остав-
ляя без пищи и питья, она нежно и жалостливо любила
своих детей. Образ страдальцы-матери навсегда остался
самым святым воспоминанием поэта. Через много лет пос-
ле ее смерти он писал:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.

.
Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолю,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.

.
Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,

С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебнo-свѣтящей луне.

Много поколений плакало над этими стонущими и рыдающими стихами. Со слезами читал их и сам Некрасов.

Стоны бурлаков, звон кандалов, тысячелетнее страдание, великая скорбь народная поселяли в его детской, открытой, восприимчивой к чужому страданию душе гнев против угнетателей и великую любовь к угнетенному. Те же чувства и страстную жажду правды вкладывала в душу сына и несчастная мать его:

Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою.

И когда тяжело было сыну, когда сгибался он под грозной тяжестью судьбы, колебался, отступал, — он звал на помощь этот святой образ, и укреплялись иссякающие силы:

Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездною стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал — и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, празднo болтающих,
Обагрѣющих руки в крови,
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Вот та обстановка, в которой прожил Некрасов свои детские годы в родовом поместье отца Грешневѣ, в Ярославской губернии. Сюда он был привезен ребенком с

юга, из Подольской губернии, где и родился (в 1821 году, 22 ноября по старому стилю).

Отец его был офицером. Выйдя в отставку, он в 1823 году переехал в свое ярославское поместье.

Здесь, в этом доме, на Волге, в этих полях и деревнях, над которыми тяготела страшная власть крепостничества, прошло детство Некрасова. Здесь — истоки некрасовской поэзии, гневной и скорбной поэзии поэта-гражданина.

II

Под такими впечатлениями формировался характер будущего поэта, от природы смелого, одаренного твердой, негнущейся волей. В его характере была та «надменная сила», о которой говорил он сам. «Ни в ком я не встречал такой внутренней заботы о том, чтобы всегда владеть собою, не сдаваться перед опасностью какого бы то ни было рода», вспоминал один из современников. «Хуже трудности, — говорил сам Некрасов, — ничего быть не может».

Однажды, в холодный осенний день, десятилетний Некрасов, бродя с собакой и ружьем, подстрелил на озере дикую утку. У берегов озеро уже было покрыто льдом. Собака не шла в ледяную воду. Тогда Некрасов быстро разделся и бросился в воду. Утку он достал, но это стоило ему горячки.

Как-то няня рассказала, что в темном грешневском саду, у пруда, ночью бродят черти, и строго-настрого запретила ходить ночью в сад. В ту же ночь, тайком, маленький мальчик один-одинешенек побегал к пруду:

...как-то не шагало мне
В всезрящей этой тишине.

.
Однако, я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.

Я постоял на берегу,
Послушал — черти ни гу-гу!
Я пруд три раза обошел,
Но чорт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!

Эта твердость и дерзкая воля были причиной того, что душа Некрасова не надломилась под тяжестью впечатлений детства, что торжествующе-сильным борцом против угнетения, против рабства стал этот великий поэт, что научился он «не робеть перед правдой-царицею», что «надменно-сильной» была его поэзия.

III

Рано узнавший скорбь и ненависть, рано полюбивший народ, Некрасов с детских лет почувствовал тягу к сближению с ним, к тесному общению.

Сестра Николая Алексеевича сообщает: «За нашим садом непосредственно начинались крестьянские избы... Толпа ребятишек, нарочно избиравшая для своих игр место возле решетки усадебного дома, как магнит притягивала туда брата, никакие преследования не помогали. Впоследствии он проделал лазейку и при каждом удобном случае вылезал к ним в деревню, принимал участие в их играх, которые нередко оканчивались общей дракой. Иногда,

высмотрев, когда отец уходил в мастерскую, где доморощенный столяр Баталин изготавливал незатейливую мебель, брат зазывал к себе своих приятелей. Беловолосые головы одна за другою пролезали в сад, рассыпались по аллеям и начинали безразличное опустошение от цветов до зеленой смородины и пр. Заслыша гам, старуха-нянька, приноровившаяся выживать «пострелов», трусила с другого конца сада, крича: «Барин, барин идет!» Спугнутые ребята бросались опрометью к своей лазейке. Впоследствии, когда брат уже был в гимназии и приезжал в деревню на каникулы, сношения с приятелями возобновлялись: он пропадал по целым дням, бродил с ними по лесам или отправлялся на реку удить рыбу. Еще позднее, когда он приезжал уже из Петербурга (с 1844 года), те же приятели возили его в своих незатейливых экипажах на охоту».

Это стремление узнать ближе жизнь крестьянина Некрасов сохранил навсегда.

Охоту, к которой он чувствовал неодолимую страсть, Некрасов любил еще и потому, что получал возможность ближе знакомиться с крестьянами. Сходясь с ними во время своих охотничьих поездок, он узнавал, чему радуется крестьянин, чем печалится он, и почти всегда полученные им впечатления находили отражение в его произведениях. Вернувшись однажды с охоты, он засел за «Коробейников». В другой раз, по возвращении с охоты, он в два дня написал «Крестьянских детей».

Во время охоты же Некрасову рассказала печальную повесть о своем замученном на военной службе сыне несчастная Орина.

IV

Осенью 1832 года Некрасова вместе с братом Андреем определяют в гимназию в городе Ярославле.

Бесцветно прошли пустые и бессодержательные гим-

назические годы. Гимназия не смогла пробудить у Некрасова интереса к науке, учился он нехотя и плохо. Кроме всего, отец Некрасова отказался платить за обучение сыновей. Это ставило их в нелепое и ложное положение.

В результате всей неблагоприятной обстановки Некрасов покидает в 1837 году гимназию, не закончив курса. Никаких прочных знаний за время своего пятилетнего пребывания в ней он не получил.

Относясь безо всякого интереса к гимназическим занятиям, Некрасов много читал. Читал он тогдашние журналы, читал Байрона, Пушкина. Особенно нравилась и волновала пушкинская ода «Вольность».

Увы! Куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть.

.....
Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоем челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Эти горячие пушкинские стихи оказали влияние на все некрасовское творчество. Об этом говорил сам поэт.

Прожив около года в Грешневе, Некрасов летом 1838 года уезжает в Петербург.

С рекомендательными письмами в кармане, с тетрадкой юношеских — наивных и незрелых — стихов, неся любовное материнское напутствие в сердце, вступает Некрасов на каменные плиты северного города, (с которым неразрывно связана его последующая жизнь и судьба.

Отец Некрасова хотел, чтобы сын поступил на военную службу — пошел по отцовской дороге. С этой целью и посылал он его в Петербург. Но Некрасов и не думал вступать на военную службу: он мечтал об университете. В этом поддерживала его мать. Однако письма, в которых просилось о содействии в поступлении в Дворянский полк (военно-учебное заведение), Некрасов все-таки отнес по назначению.

Одно рекомендательное письмо было к дальней родственнице Некрасовых. Некрасов не замедлил нанести визит старушке. Ее сын, командир одного из гвардейских полков, мог оказать содействие, но его как раз не было в это время в Петербурге.

«Прихожу, — рассказывал Некрасов, — вижу древнюю старуху, сидящую у окна и вяжущую чулок; подал я ей письмо от отца, она позвала приживалку прочесть.

— А, так ты из Ярославля? — спросила она.

— Из Ярославля, бабушка.

— Сюда в Петербург приехал?

— Сюда, бабушка.

— Учиться?

— Учиться, бабушка.

— Хорошо, учись, учись.

Сижу и жду, что будет дальше.

— Так отец твой жив? — спросила она опять.

— Жив, бабушка.

— Ведь ты из Ярославля?

— Из Ярославля, бабушка.

И затем пошли одни и те же вопросы, несколько раз. Вижу, что толку нет никакого, и ушел. Разочек еще сходил, и опять то же: «ты из Ярославля?» и т. д. Плюнул, и больше туда ни ногой».

Итак, бабушка оказалась глубоко безнадежной. Осталось другое письмо.

Это письмо было к жандармскому генералу Полозову. Написано оно было по просьбе отца Некрасова ярославским прокурором Полозовым — братом генерала.

Жандармский генерал оказался не в пример деятельнее старушки. Не успел Некрасов опомниться, как очутился у начальника военно-учебных заведений Я. И. Ростовцева, который обещал все устроить. Тогда Некрасов принимает решительные меры: является к генералу и заявляет, что хочет поступить в университет. Это намерение Некрасова окончательно укрепилось после его встречи со старым ярославским приятелем Андреем Глушицким, который в это время был уже студентом Петербургского университета.

Когда это решение непокорного сына стало известно отцу, он ответил ему гневным письмом, в котором грозил в случае упорства лишить его материальной поддержки. Но не так легко было напугать Некрасова. Он не отказывается от своего намерения и пишет отцу решительное письмо, заключая его так: «Если вы, батюшка, намерены писать ко мне бранные письма, то не трудитесь продолжать, я, не читая, буду возвращать вам письма».

И вот юноша, почти мальчик, остается одиноким, без всякой материальной поддержки.

Из намерения поступить в университет ничего не выходит: Некрасов оказался неподготовленным и экзаменов не выдержал. Тогда, не желая окончательно отказаться от университета, он поступает в него вольнослушателем.

В университете Некрасов пробыл с 1838 по 1840 год.

Принужденный одновременно с посещением университета зарабатывать на жизнь, он вел в эти годы крайне бедственное существование. Деньги приходилось зарабатывать уроками, корректурой, мелкой литературной работой. В это время он начал печатать стихи. Первое его стихотворение («Мысль») было напечатано в 1838 году.

Но о том, что это были за заработки, можно судить по его собственным признаниям.

«Ровно три года, — вспоминал Некрасов, — я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Приходилось есть не только плохо, не только впроголодь, но и не каждый день. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан, на Морской, где позволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь бывало для вида газету, а сам подвинешь к себе тарелку с хлебом и ешь».

Измученный голодом, Некрасов заболел.

«Голод, холод, — рассказывал Некрасов, — а тут еще горячка. Жильцы послали меня ко всем чертям. Хозяин квартиры, отставной солдат, которому я задолжал за время болезни 40 рублей, еще ничего, но хозяйка сильно беспокоилась, что я умру и деньги пропадут. За перегородкою постоянно слышались разговоры по этому поводу. Наконец, в один прекрасный день, ко мне явился хозяин, объяснил свои опасения с полной откровенностью и просил меня написать ему расписку в том, что я оставляю ему за долг свой чемодан, книги и остальные вещички. Я написал. Думаю: чего доброго, не станут и хоронить, да и люди они были действительно бедные; через несколько времени мне стало, однако, лучше, и вскоре я настолько уже оправился, что решил пойти с Разъезжей на Выборгскую сторону к одному знакомому студенту-медику. Добравшись кое-как до него, я там засиделся до позднего вечера. Возвращаясь ночью домой, сильно прозяб, так как на мне было холодное пальтишко, а дело было осенью — в октябре или ноябре. Прихожу к дверям, звоню раз, другой... Не пускают, говорят, что в моей комнате поселился уже другой жилец. Что же касается до моего долга, то хозяева считают себя вполне удовлетворенными моим имуществом, которое я им отдал за долг, в чем и выдал расписку. Скверно стало мне. Я остался

один на улице, остался без ничего, в плохом пальтишке, в осеннюю холодную ночь. Побрел я куда глаза глядят, не сознавая, куда и зачем, пробрался на Невский и сел там на скамеечку, какие выставляются у ресторанов для посетителей. Прозяб. Чувствовал сильную усталость и упадок сил. Наконец уснул. Разбудил меня какой-то старик, оказавшийся нищим, который, проходя мимо, сжалился надо мной и пригласил меня с собой куда-то ночевать. Я пошел. Пришли на Васильевский остров, в 15-ю линию. Там, в самом конце улицы, стоял деревянный полуразвалившийся домик, в который мы и вошли. В доме оказалось много народу. Все это были нищие, которые собирались здесь ночевать. Не помню я всех разговоров, которые велись здесь, помню только, что я написал кому-то прошение и получил за это 15 копеек».

В то же время Некрасов близко наблюдал сытую, беззаботную жизнь.

И здесь, в городе, как раньше в деревне, нищей и жалкой деревне, на берегу Волги, в темных и глухих ярославских лесах, возникали у него те же вопросы и рождались те же решения.

VI

В начале 1840 года в петербургских книжных лавках появилась небольшая книжка стихов — «Мечты и звуки». Вместо фамилии и имени автора на ней стояли инициалы: Н. Н. В книжке было больше четырех десятков стихотворений. Стихи были какие-то крикливо-романтические, напыщенные и подражательные. Чувствовалось в них влияние Жуковского, Лермонтова, Бенедиктова, Державина и других поэтов.

Время от времени в книжные магазины, дрожа и пожимаясь от холода, заходил плохо и легко, несмотря на зимнюю стужу, одетый юноша и глухим полупошопотом несмело спрашивал у приказчика, как покупают книжку.

26717
Это был автор. Книжку не покупали. Огорченный юноша еще глубже прятал голову в поднятый воротник пальто и неловким и быстрым, несколько спотыкающимся шагом направлялся к двери. Он сам с помощью друзей издал книжку, роздал ее на комиссию в книжные магазины и теперь ходил в надежде получить деньги за проданные экземпляры.

Но читатели, даже самые неопытные, просмотрев книжку в магазине, с улыбкой возвращали ее приказчику.

На книжку появились резкие отзывы в печати. «Литературная газета» писала: «Что же теперь сказать о «Мечтах и звуках» г. Н. Н.? Название мечты и звуки совершенно характеризует его стихотворения: это не поэтические создания, а мечты молодого человека, владеющего стихом и производящего звуки правильные, стройные, но не поэтические. Со временем, мы уверены, он сам убедится в этом, оставив перо стихотворца, не станет увлекаться мечтами, а скорее посвятит себя занятиям дельным».

Уничтожающий отзыв дал и Белинский, заявивший: «Посредственность в стихах нестерпима».

Этим не кончилось.

На одной из своих лекций профессор русской словесности А. В. Никитенко подверг книжку жестокой критике: в стихах ни признака таланта, ни толку, ни ладу — лишь вода, дубовые стихи и пустое рифмоплетство.

В числе слушавших лекцию был автор книжки, который как раз очень любил посещать лекции этого красно-речивого профессора.

Не менее сурово отнесся впоследствии к этой книжке и сам автор. С каким-то недоумением вспоминал Некрасов об этой первой своей книжке, написанной как будто чужой рукой и так не вяжущейся с последующим его творчеством. Уже в 1843 году Некрасов писал, что это было «несколько бледных и жалких стихотворений».

Только железная твердость характера помогла Некрасову не растеряться после такой жестокой неудачи.

«Я дал себе слово не умереть на чердаке. Нет, думал я, будет и тех, которые погибли прежде меня, — я пробьюсь во что бы то ни стало. Лучше по Владимирке пойти, чем околевать беспомощным, забитым и забытым всеми. И днем и ночью эта мысль меня преследовала, от нервного волнения я подпрыгивал на своей кровати и голова горела, как в горячке».

Отказавшись от писания напыщенных и фальшивых стихов, Некрасов, однако, литературы не бросает. Он пишет юмористические стихи, пустячные водевили, мелкие статейки, лубочные книжки. Однажды он сочинил стихотворную афишу для «Кабинета восковых фигур». Как-то ему дали для исправления языка рукопись, которая трактовала о различных способах ухода за пчелами.

Уяснив себе, насколько нелепы были его прежние романтические стихи, он в это время пишет на них пародии.

Работает Некрасов неустанно; перед смертью он говорил об этом: «Уму непостижимо, сколько я работал! Господи, сколько я работал!..»

Что же имеет общего автор пустозвонных романтических стишков, а затем водевильщик, пересмешник, мелкий журнальный работник с великим писателем, творцом замечательных, до боли с детских лет любимых стихотворений?

Трудно и долго искал Некрасов свою дорогу. Найти эту дорогу ему помог один из величайших русских людей прошлого столетия — Белинский.

В 1842 или 1843 году Некрасов сближается с этим суровым своим критиком, и близость с ним помогла Некрасову найти самого себя.

«Белинский видел во мне богато-одаренную натуру, — говорил Некрасов, — которой недостает развития и обра-

зования. И вот около этого-то держались все его беседы со мной, имеющие для меня значение поучения».

Он говорил Некрасову о ненависти к гнусной русской действительности, о великом значении литературы в деле борьбы с этой действительностью. До ночи, часов до двух иногда, говорили новые друзья о литературе и разных иных предметах. После разговоров Некрасов долго бродил по опустелым улицам в каком-то возбужденном состоянии, обдумывая то новое, что сказал ему Белинский.

Белинскому нравился резкий, несколько ожесточенный ум Некрасова, его трезвый, практический взгляд на вещи. Эту практичность Некрасов вынес из своей тяжелой борьбы с нищетой и голодом.

Некрасов благоговел перед своим учителем, и это чувство сохранил на всю жизнь. «Моя встреча с Белинским была для меня спасением», говорил Некрасов позже.

Памяти своего друга и учителя он посвятил много замечательных стихов. В «Медвежьей охоте», вспоминая Белинского, он писал:

Белинский жил тогда, Грановский, Гоголь жил,
Еще найдется славных двое, трое —
У них тогда училось всё живое...

Белинский был особенно любим...
Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!

В те дни, как всё коснело на Руси,
Дремля и раболепствуя позорно,
Твой ум кипел — и новые стези
Прокладывал, работая упорно.

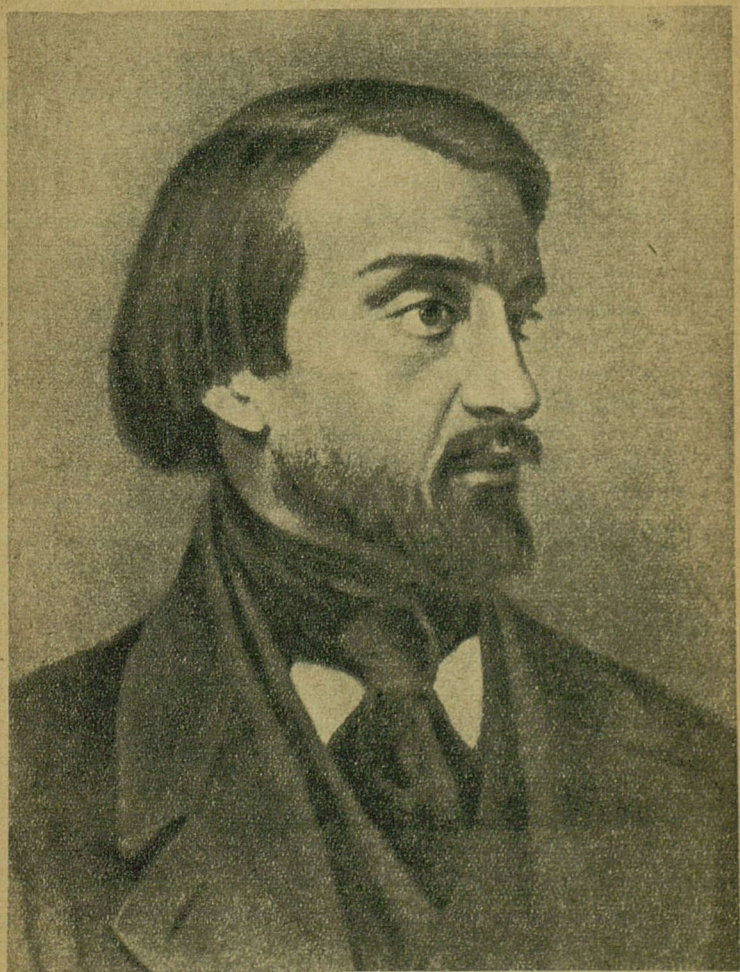
.....
Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...

Упорная и настойчивая проповедь не пропала даром. Она дала замечательные результаты — в этом Белинский убедился через несколько лет после сближения с Некрасовым. В 1845 году Некрасов прочел ему свое стихотворение «В дороге», в котором рассказывается об издевательствах помещика над крестьянской девушкой. Когда Некрасов дочитал до конца, Белинский со слезами на глазах бросился к нему, обнял и взволнованным голосом сказал: «Да знаете ли вы, что вы поэт — и поэт истинный?» Это стихотворение заставило Белинского окончательно признать поэтический талант Некрасова. До этого он считал, что Некрасов навсегда останется только полезным журнальным сотрудником.

А некрасовская «Родина» привела Белинского в восторг. Он выучил это стихотворение наизусть и послал его своим приятелям в Москву.

Признанный Белинским, нашедший самого себя, Некрасов становится на путь, по которому идет до самой смерти. Когда он понимает окончательно свое призвание, тогда его творчество поднимается на огромную художественную высоту, во всю силу разворачивается широкий и вольный некрасовский талант.

Некрасов становится певцом обездоленной городской бедноты и угнетенного крестьянства. Основное его внимание привлекает крестьянство — и чем дальше, тем больше. И Некрасов умеет не только горевать о тяжелой доле крестьянина, — он зовет к революционной борьбе. До ликвидации крепостного права Некрасов боролся против крепостничества, после — против остатков крепостничества и ограбления крестьян в результате реформы 1861 года, поддерживая крестьян в борьбе за овладение землей. Некрасов вступает в ряды горячих и смелых людей, борющихся за революционное преобразование общества.

Виссарион Григорьевич Белинский.

В начале сороковых годов Некрасов наряду с той по-денной литературной работой, о которой мы говорили выше, занимался еще и чисто издательской деятельностью. В 1843 году он издал маленькую книжечку — «Статейки в стихах без картинок», в 1844 году — книжку о Крылове.

Когда под влиянием Белинского определяется перелом в творческих настроениях Некрасова, он обращается к издательской деятельности другого характера. Предпринимавший раньше свои издания только с целью заработка, он теперь и свою издательскую деятельность направляет на то, чтобы способствовать реализации своих новых идей, новых стремлений, новых верований.

В 1845 году он издает двухтомный сборник «Физиология Петербурга». Здесь были напечатаны три статьи Белинского, рассказ Григоровича «Петербургские шарманщики», рассказ самого Некрасова «Петербургские углы».

В следующем году он выпускает «Петербургский сборник». В него были включены произведения Белинского, Достоевского, Герцена, Тургенева и Некрасова.

Общественно-литературное значение сборников чрезвычайно велико, особенно второго, который вызвал недовольство правительства и реакционной печати.

В письме министру народного просвещения начальник Третьего отделения граф Орлов сообщал, что такое произведение, как «Колыбельная песня» Некрасова, напечатанная в «Петербургском сборнике», «по предосудительному своему содержанию не должно бы одобряться к печатанию». Разгневанный министр приказал объявить выговор цензору, пропустившему стихотворение.

А один из реакционных литераторов — Булгарин, — имея в виду «предосудительное» стихотворение и прочие не менее «предосудительные» произведения Некрасова, несколько позже доносил в Третье отделение: «Некрасов

самый отчаянный коммунист... Он страшно вопиет в пользу революции».

Удача сборников побуждает Некрасова задуматься об издании журнала. Но издавать новый журнал было нельзя — цензура новых журналов не разрешала. Поэтому надо было приобрести право на издание какого-либо из существовавших журналов.

Конец 1846 года — знаменательная дата в жизни Некрасова: совместно с И. И. Панаевым он приобретает право на издание журнала «Современник», который был основан Пушкиным, но после его смерти, под неопытным руководством Плетнева, зачах, растерял читателей и влачил жалкое существование. Первый номер обновленного «Современника» вышел в январе 1847 года. Вначале журнал выходил под редакцией А. Никитенко. Ни Некрасов, ни Панаев, ни тем более Белинский, который был привлечен к самому тесному сотрудничеству, не могли быть утверждены редакторами: не были «благонадежны».

Когда с некоторым волнением перелистываешь пожелтевшие страницы этого знаменитого журнала, выходявшего около столетия назад, то видишь, что почти в каждом томе есть несколько произведений, которые прочно и окончательно вошли в историю русской литературы. Тургенев, Некрасов, Островский, Лев Толстой, Тютчев, Фет, Герцен, Огарев, Чернышевский, Добролюбов — вот имена, которые беспрестанно мелькают на страницах. Здесь впервые появлялись произведения, на долгие века предназначенные остаться в памяти народной. С этим журналом тесно связана история русской общественности на протяжении целого двадцатилетия — с 1847 по 1866 год (в этом году «Современник» был запрещен правительством, и издание его прекратилось).

Роль Некрасова в издании этого замечательного журнала чрезвычайно велика. Огромного труда стоил ему выпуск тома «Современника».

Чтобы составить первую книжку «Современника» на 1850 год, он прочел восемьсот писанных листов разных статей и шестьдесят корректурных листов, два раза перерабатывал чужой роман, переделал несколько статей в корректурах, написал около полусотни писем.

«У меня в кабинете, — вспоминал Некрасов, — было несколько конторок. Бывало зайдет Григорович, Дружинин и др., я сейчас к ним, — становитесь и пишите что-нибудь для романа, главу, сцену. Они писали. Писала много и Панаева (Станицкий). Но все бывало нехватало материала для книжки. Побежишь в Публичную библиотеку, просмотришь новые книги, напишешь несколько рецензий, все мало. Надо роману подпустить, и подпустишь. Я бывало запрусь, засвечу огни и пишу, пишу. Мне случалось писать без отдыха более суток. Времени не замечаешь; никуда ни ногой, огни горят, не знаешь, день ли, ночь ли, приляжешь на час, другой и опять за то же. Теперь хорошо вспомнить об этом, а тогда было жутко, и не раз мне приходили на память слова Белинского, которые он сказал мне за неделю до смерти: «Я все думаю о том, — говорил он, лежа грустный, бледный, — что года через два и Вы будете лежать так же беспомощно, как я. Берегите себя, Некрасов». Но разве можно было себя беречь?»

Иногда цензура, которая особенно усилила гонения после 1848 года (в этом году на Западе произошли революционные события, смертельно напугавшие правительство Николая I), вычеркивала почти половину материала. Так, в 1848 году не была пропущена цензурой ни одна из шести повестей, назначенных для «Современника».

Чтобы заполнить цензурные бреши, Некрасову как-то пришла мысль написать большой роман. Этот роман («Три страны света») Некрасов писал совместно с А. Панаевой. Роман надо было срочно печатать, а между тем у авторов были готовы только первые главы. Они решили пока

СОВРЕМЕННОКЪ

ЛЮТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА Н. ПАНАЕВЫМЪ И Н. НЕКРАСОВЫМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. ВИКТЕЧКО

ТОМЪ I

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОЛЕАРДА ПРАЦА

=
1847

Титульный листъ перваго тома «Современника» за 1847 годъ.

напечатать только их. Но цензор отказался пропускать роман в таком незаконченном виде и потребовал представления полной рукописи. Ему объяснили, почему это невозможно. Цензор донес в главный цензурный комитет. Комитет потребовал от авторов письменного удостоверения, что продолжение романа будет нравственное. Пришлось написать этот курьезный документ. В нем авторы сообщали: «Роман будет производить впечатление светлое и отрадное... Порок решительно торжествовать не будет».

IX

Поэзия Некрасова — поэзия революции. Чем дальше развивалось его творчество, тем это становилось яснее. Революционным гневом проникнута его поэзия уже в сороковые годы и в первую половину пятидесятых.

В середине сороковых годов Некрасов — автор «Родины» и «В дороге».

Кроме этих стихотворений, заслуживших привет и одобрение Белинского, Некрасов в сороковые и в первую половину пятидесятых годов написал еще ряд других, не менее замечательных. Это — «Колыбельная песня», «Огородник», «Тройка», «Секрет», «Псовая охота», «В деревне», «Отрывки из путевых записок графа Гаранского» и др. Здесь та же ненависть и та же любовь. Великая любовь к народу, голодному и нищему, гибнущему в рабстве, и ненависть к его угнетателям.

Еще сильнее дух «гнева и печали» завладевает некрасовской поэзией со второй половины пятидесятых годов. В это время в обществе резко повысилось недовольство, усилились революционные настроения. Волновались и восставали крестьяне.

Крымская война, поражение в ней России еще более обострили положение.

В 1856 году Некрасов пишет знаменитое свое стихо-

творение «Поэт и гражданин». Владевшие поэтом и раньше чувства и мысли здесь принимают еще более отчетливую форму. Тут яснее и определеннее звучит призыв к борьбе. Гражданин обращается к поэту:

Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать...

.
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Такими ярко революционными мыслями проникнуты и последующие его произведения: «Песня Еремушке», «Несчастные», «Железная дорога» и др., и знаменитые поэмы «Декабристки» («Русские женщины») и «Кому на Руси жить хорошо».

В произведениях Некрасова появляются образы не только покорно страдающих, «безмерно терпеливых», «духовно навеки почивших», но и бунтующих крестьян, «проснувшихся и исполненных сил».

Глубоко отрицательный взгляд установился у Некрасова и на крестьянскую реформу 1861 года. Вначале Некрасов питал некоторые иллюзии, но потом жестоко разочаровался в этой «реформе». В 1876 году он писал:

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и взрос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось, в уме шевельнулся вопрос:

Новое время — свободы, движенья,
Земства, железных путей.

Что ж я не вижу следов обновления
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «дурак!»

Пореформенная деревня, нищая, разоряющаяся, бесправная, изображена Некрасовым в его самой большой, к величайшему сожалению незаконченной, поэме «Кому на Руси жить хорошо». Он ее начал писать вскоре после реформы 1861 года, прервана она была в 1876 году, за год до смерти поэта.

В глубоко отрицательных тонах изображает Некрасов и завладевшее пореформенной деревней кулачество в таких своих произведениях, как «Горе старого Наума», «Дворянские скорби и радости». В последнем он пишет:

Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

* *
*

В пятидесятых годах Некрасов сближается с Чернышевским и Добролюбовым — наиболее яркими представителями растущего революционного движения, поставившими себе целью крестьянскую революцию. Теоретически гораздо лучше подготовленные, обладавшие ясными и твердо выработанными взглядами, они помогали Некрасову разбираться в вопросах общественной жизни и революционной борьбы. Сближение с Чернышевским и Добролюбовым стоило Некрасову разрыва с его старыми друзь-

Николай Гаврилович Чернышевский.

ями и соратниками по «Современнику». И как это было ни тяжело ему, он одержал эту, одну из самых трудных человеческих побед: победу над миром личных привязанностей и симпатий.

С Чернышевским Некрасов познакомился осенью 1853 года и привлек его в редакцию «Современника». Через некоторое время в редакцию «Современника» вступает Добролюбов. Очень скоро обнаруживается, что убеждения либерально настроенных старых сотрудников журнала (Тургенев, Боткин, Дружинин и др.) не совместимы с идеями этих деятелей революционной демократии. Начинаются крупные разногласия. Некрасов на стороне Чернышевского и Добролюбова. Происходят такие, например, разговоры:

«— У меня скоро будет литературное подворье, — сказал (Некрасов) как-то Тургеневу.

— Литературное подворье! — подхватил Тургенев. — Скажи семинария, и ты будешь ректором...

— А для тебя, мой великосветский друг, — возразил Некрасов, — открыть бы салон... Воображаю. Блеск, роскошь и в воздухе такое, знаешь, амбрэ... На мягких кушетках возлежат чудные, с обольстительным декольте дамы, лежат и закатывают глазки, слушают тебя, одного тебя слушают. И с томными вздохами повторяют: «Ах, как хорошо! Милый Иван Сергеевич! Несравненный Иван Сергеевич, *c'est joli!*»¹

— Все-таки, интереснее твоих близоруких, вооруженных очками, семинаристов в длинных сюртуках, застегнутых на все пуговицы...

— Не забудь, чопорный аристократ-белоручка, что эти семинаристы — богатыри мысли русской, что они повернут со временем литературу нашу на такой путь, на котором «пять лет для России — век», скажу тебе словами

¹ Как мило!

покойного Белинского. На него ты и сердись: он породил этих семинаристов; я же их принял под свою сень лишь потому, что принимал и принимаю с благодарностью и радостью все хорошее, идущее от него».

Боткин уговаривает его: «Да, любезный, мы хлопочем, чтобы в твоих стихах не было грубой реальности. Вчера, возвращаясь домой от изящной женщины, мы всю дорогу говорили о твоих стихах и пришли к заключению, что ты на ложной дороге. Брось воспевать любовь ямщиков, огородников и всю деревенщину... Это профанация — описывать гнойные раны общественной жизни. Не увлекайся, пожалуйста, что мальчишки и невежды в поэзии восхищаются твоими подобными стихами, а слушайся людей, знающих толк в изящной поэзии».

«Каждый писатель, — возражал Некрасов, — передает то, что он глубоко прочувствовал. Так как мне выпало на долю с детства видеть страдания русского мужика от холода, голода и всяких жестокостей, то мотивы для моих стихов я беру из их среды. И меня удивляет, что вы отвергаете человеческие чувства в русском народе!.. Пусть не читает моих стихов светское общество, я не для него пишу... Имеете право потешаться надо мной! Я вас еще более потешу и удивлю, если выскажу вам свою откровенную мысль, что мое авторское самолюбие вполне было бы удовлетворено, если бы, хотя после моей смерти, русский мужик читал бы мои стихи!»

Совместная работа становится все более невозможной. В 1860 году происходит разрыв между Тургеневым и Некрасовым. Внешним поводом послужила статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» — о тургеневском романе «Накануне». Многие участники старого кружка «Современника» последовали примеру Тургенева.

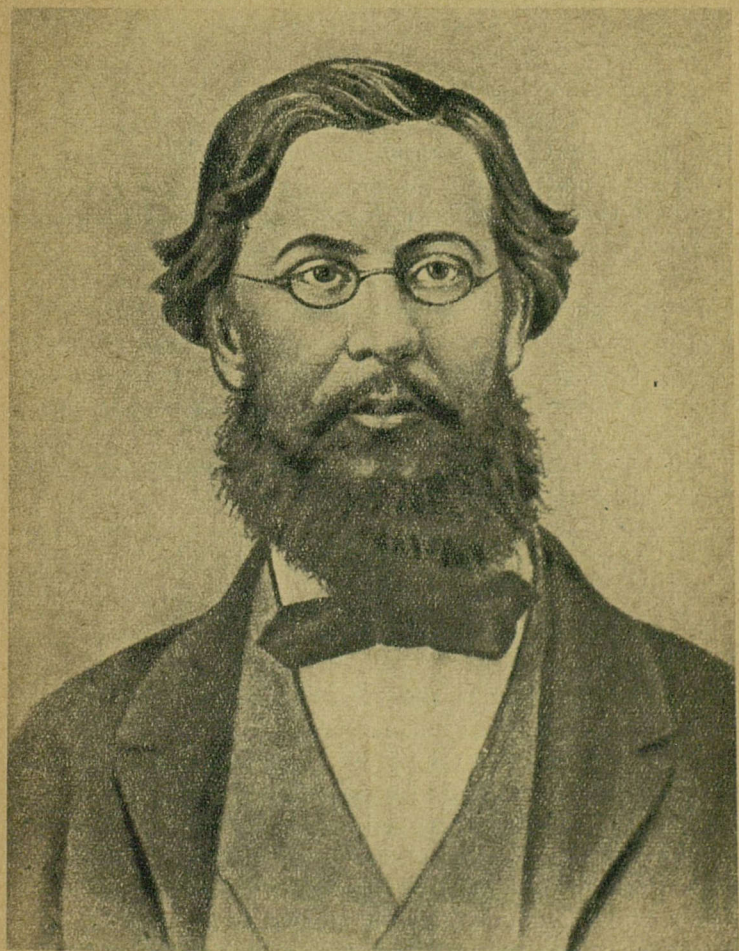
Тесно сближается Некрасов со своими новыми друзьями и соратниками и совместно с ними превращает «Современник» в орган революционной мысли.

Глубокая дружба связывала Некрасова с Чернышевским. Во время смертельной болезни Некрасова Чернышевский из сибирской ссылки писал Пыпину: «Если, когда ты получишь мое письмо, Некрасов еще будет продолжать дышать, скажи ему, что я горячо любил его, как человека, что я благодарю за его доброе отношение ко мне, что я целую его, что я убежден, его слава будет бессмертна, что вечна любовь России к нему, гениальнейшему и благороднейшему из русских поэтов. Я рыдаю о нем. Он действительно был человек очень высокого благородства души и человек великого ума».

А когда в расцвете сил и таланта гибнет двадцатилетний Добролюбов, потрясенный Некрасов над могилкой друга дает ему такую замечательную оценку: «В Добролюбове во многом повторился Белинский, насколько это возможно было в четыре года: то же влияние на читающее общество, та же проницательность и сила в оценке явлений жизни, та же деятельность и та же чахотка...» И тогда же он подвел скорбный итог: «Бедное детство в доме бедного сельского священника; бедное, полуголодное ученье; потом четыре года лихорадочного неутомимого труда, и наконец год..., проведенный в предчувствии смерти, — вот и вся биография Добролюбова».

Ему же посвятил он горестные стихи:

Я покинул кладбище унылое,
Но я мысль мою там позабыл...
.....
Ты схоронен в морозы трескучие,
Жадный червь не коснулся тебя,
На лицо через щели гробовые
Проступить не успела вода;
Ты лежишь как сейчас похороненный,
Только словно длинней и белей
Пальцы рук, на груди твоей сложенных,
Да сквозь землю проникнувшим инеем
Убелил твои кудри мороз,

Николай Александрович Добролюбов.

Да следы наложили чуть видные
Поцелуи суровой зимы
На уста твои плотно сомкнутые
И на впалые очи твои...

Некрасов сблизился с Чернышевским и Добролюбовым. Его поэзия стала выражением революционных стремлений крестьянства. Но живший долгие годы до этого в непосредственном общении с либералами, которые тесно окружали его, он иногда склонялся все же к их воззрениям.

Ленин, любивший и ценивший некрасовскую поэзию, писал: «Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского» (Соч., 3-е изд., т. XVI, стр. 132).

Колебания Некрасова отразились в таких произведениях, как «Саша» и «Тишина».

Х

Суровый и хмурый Некрасов был в то же время замечательным лириком.

Выше мы приводили некрасовские лирические стихи о матери из поэмы «Рыцарь на час».

Несколько изумительных по красоте стихотворений посвятил Некрасов любимым женщинам.

О стихотворении «Еду ли ночью по улице темной», воспоминании о драматической ранней любви, Тургенев, тогда еще не порвавший отношений с Некрасовым, писал Белинскому: «Скажите от меня Некрасову, что его стихотворение... меня совершенно с ума свело».

Глубоким чувством проникнуто его стихотворение, посвященное умершей женщине, подруге «трудных дней» поэта:

Я посетил твоё кладбище,
Подруга трудных, трудных дней!
И образ твой светлей и чище
Рисуется душе моей.

Ты умерла... Смирились грозы.

Трогают и волнуют некрасовские стихи, посвященные Авдотье Панаевой, гражданской жене поэта, порывисто, горячо и болезненно любимой женщине. Эта смуглая красавица, которая завораживала знавших ее, любила Некрасова сильной и продолжительной любовью. Много радости и много горя было перенесено за время этой долгой и трудной взаимной любви. Привыкшая к всеобщему поклонению, не сразу полюбила она Некрасова, страстно к ней привязавшегося. Однажды он чуть не погиб, стараясь доказать посмеивавшейся над ним Авдотье Яковлевне свою любовь. Как-то они переезжали Волгу. Сидя возле Панаевой, Некрасов тихо говорил о своей любви. Ей стали досадны эти наскучившие признания, и она раздраженно ему ответила: «Вот вы бог знает что говорите, однако не броситесь из-за меня в воду». Не умеющий плавать Некрасов сразмаху бросился в воду. Это было почти на середине течения. Его еле спасли.

Но наконец эта недоступная красавица поверила поэту и полюбила его:

Как долго ты была сурова,
Как ты хотела верить мне,
И как и верила, и колебалась снова,
И как поверила вполне!

Панаева была не только женой Некрасова и другом, поддерживавшим в тяжелые минуты, но и помощником в работе.

Обладавшая литературным талантом, она помогала Некрасову в его литературной работе. Вместе с ним (под

псевдонимом Н. Станицкий) она написала романы «Три страны света» и «Мертвое озеро».

Дружба и любовь длились около пятнадцати лет — до первой половины шестидесятых годов.

Любовью к Панаевой вдохновлены многие стихи Некрасова: «Да, наша жизнь текла мятечно», «Поражена потерей невозвратной», «Так это шутка? Милая моя!», «Мы с тобой бестолковые люди», «Письма», «Прости», «Давно — отвергнутый тобою» и др. Эти стихи — летопись большой любви поэта.

XI

Слепую ненависть вызывала революционная и демократическая поэзия Некрасова у правительства.

Принимались всяческие меры против этого «крамольного» поэта. Главным средством воздействия была цензура. Она травила Некрасова на протяжении всей его деятельности.

Когда Некрасов однажды в дружеском кругу заговорил о цензуре, в его глазах появилось, — сообщает один из присутствовавших при этом, — такое выражение, какое бывает у смертельно раненного медведя, когда к нему подходят охотники.

Цензурная буря обрушилась на Некрасова после выпуска сборника его стихотворений в 1856 году.

Это был первый сборник подлинно некрасовских произведений. Случайно он был разрешен к изданию цензурой. Это разрешение немало подивило самого Некрасова.

«Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, — жгутся», писал об этом сборнике Тургенев.

Книжка имела небывалый успех. Публика ее расхватывала.

Чернышевский сообщал находившемуся в это время за границей Некрасову, что едва ли первые поэмы Пуш-

Авдотья Яковлевна Панаева.

кина, гоголевский «Ревизор» или «Мертвые души» имели такой успех, как этот сборник.

Книжка открывалась стихотворением «Поэт и гражданин».

Глубоко «неблагонадежный» сборник поверг в изумление и гнев правительство и цензуру.

Пострадал и «Современник», в котором Чернышевский, редактировавший его во время отсутствия Некрасова, перепечатал это стихотворение, включив его в свою заметку о сборнике. В течение трех лет после выхода книжки цензура с еще большим рвением давила «Современник». Четыре года не разрешалось выпустить второе издание «Стихотворений». По цензурному ведомству было дано распоряжение, «чтобы не были печатаемы ни статьи о сей книге, ни выписки из оной».

В стихотворении «Газетная» Некрасов дает классический портрет тогдашнего цензора. Смертельной ненавистью проникнуты эти хлещущие, убийственные стихи.

Удаленный от дел цензор, старый и глухой, ежедневно читает в Английском клубе газету и по старой, въевшейся в кровь привычке красным карандашом вычеркивает из газет «крамолу»:

— Ужасаюсь, читая журналы!
Где я? где? Цепенеет мой ум!
Что ни строчка — скандалы, скандалы!
Вот взгляните — мой собственный кум
Обличен! Моралист-проповедник,
Цыц!.. Умолкни, журнальная тварь!..
Он действительный статский советник,
Этот чин даровал ему царь!

А затем вспоминает об ушедших днях:

— О чинах, о свободе, о взятках
Я словечка в печать не пускал.
.....
Служба всю мою жизнь поглощала,

Иногда до того я вникал,
Что во сне благодать осеняла,
И вскочив — я черкал и черкал!
К сочинению ключ понемногу,
К тайной цели его подберешь,
Сходишь в церковь, помолишься богу,
И опять троекратно прочтешь:
Взвешен, пойман на каждом словечке,
Сочинитель дрожал предо мной,
Повертится, как муха на свечке,
И уйдет тихомолком домой.
Рад радехонек, если тетрадку
Я, похерив, ему возвращу,
А то, если б пустить по порядку...

.....
— Но зато, если дельны и строги
Мысли — кто их в печать проводил?
Я вам мысль, что «большие налоги
Любит русский народ», пропустил,
Я статью отстоял в комитете,
Что реформы раненько вводить,
Что крестьяне — опасные дети,
Что их грамоте рано учить!

.....
Мне одна романистка чуть-чуть
В маскараде... но бабу-нахапку
Удержали... да, труден наш путь!

Но вред, причинявшийся Некрасову цензурой, выражался не только в том, что то или иное произведение его не разрешалось к печати. Не надеясь на цензурное разрешение, Некрасов не писал того, что хотел бы писать. Много погибло замечательных замыслов, много произведений было искалечено самим поэтом вследствие того, что они были явно «нецензурны». «Сколько великолепных вещей мог бы написать Некрасов, если бы его не давила цензура!», писал Добролюбов в одном частном письме.

Действенный, активный характер Некрасова не позволял ему писать такие произведения, о которых он навер-

няка знал, что они не смогут быть опубликованы. Чернышевский, например, вспоминал: «Некрасов постоянно говорил, что пишет меньше, нежели хочется ему; слагается в мыслях пьеса, но является соображение, что напечатать ее будет нельзя, и он подавляет мысли о ней... О чем он думал, что этого невозможно напечатать скоро, над тем он не может работать... Он был одушевляем на работу желанием быть полезным русскому обществу; потому и нужна ему была для работы надежда, что произведение будет скоро напечатано...»

Уже смертельно больной, Некрасов продолжал бороться с цензурой. Так, одну из частей поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Пир — на весь мир», цензура, несмотря на все старания Некрасова, не разрешила. «Пир — на весь мир», уже напечатанный в журнале «Отечественные записки», был оттуда вырезан. Это было страшным ударом для безнадежно больного поэта. «Вот оно, — говорил Некрасов, — наше ремесло литератора. Когда я начал свою литературную деятельность и написал первую свою вещь, то тотчас же встретился с ножницами; прошло с тех пор 37 лет, и вот я, умирая, пишу свое последнее произведение и опять-таки сталкиваюсь с теми же ножницами».

XII

Цензурные преследования были причиной и одного рокового поступка Некрасова, роковой его ошибки.

В 1865 году были введены новые цензурные правила. В применении к журналам изменение выразилось в том, что тот журнал, к которому эти правила (после ходатайства издателя и утверждения министром внутренних дел) применялись, освобождался от предварительного просмотра цензором в рукописи. Печатаясь, следовательно, без цензуры, он, однако, после отпечатания подвергался просмотру. И если в нем обнаруживалось «нарушение зако-

нов» и устанавливалось «вредное направление», то журнал подвергался взысканиям. Кроме того, министр внутренних дел имел право объявлять редакторам и издателям газет и журналов предостережения. При третьем предостережении журнал или газета приостанавливались.

Первые же номера «Современника», вышедшие без предварительной цензуры (8-й и 9-й), вызвали недовольство цензурного комитета. В ноябре журнал получил первое предостережение.

Десятая книжка «Современника» вызвала второе предостережение за статью Антоновича «Суемудрие «Дня», рассказ Успенского «Деревенские встречи» и за стихотворение Некрасова «Железная дорога».

В предыдущем — 1864 — году, когда существовала еще предварительная цензура, Некрасов представлял это стихотворение в цензуру. Конечно, оно было тогда запрещено. Теперь, когда оно была напечатано, рассматривавший его чиновник заявил, что «без содрогания читать эту страшную клевету» он не в состоянии.

Угроза закрытия повисла над «Современником», который за три года до этого (в 1862 году) уже был запрещен правительством на несколько месяцев. При третьем предупреждении журнал будет закрыт. Эта мысль была для Некрасова невыносима. Погибало дело, которому он отдал лучшие годы своей жизни. Погибала возможность вести широкую и глубокую пропаганду идей, проповеди которых он посвятил свою деятельность и творчество.

Чтобы смягчить отношение властей к «Современнику», Некрасов пишет стихотворение, посвященное Комиссарову, который якобы спас Александра II от пули Каракозова.

Он идет на еще более крайние меры.

Председателем следственной комиссии по делу о покушении на Александра II был назначен Муравьев.

И вот Некрасов, чтобы спасти «Современник», решает обратиться к Муравьеву, от которого зависела судьба «Со-

временника», со стихотворным посланием. Некому было отговорить его от этого поступка, не было у него поддержки его друзей: со многими он разошелся, Добролюбов умер, Чернышевский томился в ссылке. Были бы они в это время около Некрасова, может быть, не сделал бы он этой «ошибки роковой»:

Не торговал я лирой, но, бывало,
Когда грозил неумолимый рок,
У лиры звук неверный исторгала
Моя рука... Давно я одинок;
Вначале шел я с дружною семьею,
Но где они, друзья мои, теперь?
Одни давно расстались со мною,
Перед другими сам я запер дверь;
Те жребием постигнуты жестоким,
А те прешли уже земной предел...
За то, что я остался одиноким,
Что я ни в ком опоры не имел,
Что я, друзей теряя с каждым годом,
Встречал врагов всё больше на пути—
За каплю крови общую с народом
Прости меня, о, родина, прости!..

Отчаянный поступок Некрасова ни к чему не привел: «Современник» был закрыт.

Буря негодования обрушилась на Некрасова. Но больше всего мучился сам поэт. Умирая, он вспоминал об этом своем поступке и проклинал его страшным проклятием. «Жутко и страшно было слушать эти обрывистые затрудненные откровенные речи, перемежаемые еще добавок стонами и криками».

Ночью, вернувшись из Английского клуба, где он прочел муравьевскую оду, подавленный и уничтоженный Некрасов написал:

Ликует враг, молчит в недоуменьи
Вчерашний друг, качая головой,

И вы, и вы отпрянули в смущеньи,
Стоявшие бессменно предо мной
Великие, страдальческие тени,
О чьей судьбе так горько я рыдал,
На чьих гробах я преклонял колени
И клятвы мести грозно повторял,
Зато кричат безличные: ликуем!
Спеша в объятья к новому рабу
И пригвождая жирным поцелуем
Несчастливого к позорному столбу.

Вскоре он покидает Петербург и уезжает в свое имение Карабиху. Вдали от удивленных и презрительных друзей, от ликующих врагов, в ярославской глуши проводит он лето и осень.

Но с прекращением «Современника» Некрасов не оставил мысли об издании журнала. Он привык к кипучей журнальной работе и не мог жить без нее. Осенью 1867 года Некрасов берет в аренду «Отечественные записки». Огромный издательский опыт Некрасова помогает ему в короткий срок совершенно преобразить журнал. К сотрудничеству в «Отечественных записках» были привлечены старые сотрудники «Современника», и журналу было придано направление, которое стояло в непосредственной связи с направлением его погибшего собрата. Член цензурного комитета Юферов писал, что «Отечественные записки» «не только предаются крайним утопическим увлечениям «Современника», но стараются представить совершенно верное продолжение этого, приостановленного по высочайшей воле, издания: подбор статей, система их расположения, содержание их, внешний вид издания, даже шрифт — все это как бы воскрешает «Современник», только под названием «Отечественных Записок». Вредные стремления этого издания высказываются преимущественно в скорби о бедном народе и вообще всей меньшей братии, в недоброжелательстве к высшим классам общества и в особенности к дворянству, в систе-

матической группировке и подборе мрачных явлений нашей жизни, в сочувствии западным лжеучениям и молодому поколению в его нигилистических проявлениях и в особенности в пессимистических взглядах на наш государственный строй и очевидной враждебности к правительству».

ХІІІ

О Некрасове в обществе ходили самые разнообразные толки, порочащие его личность и творчество.

Такие обвинения поддерживались и всячески раздувались людьми из реакционного лагеря, которые ненавидели революционную некрасовскую поэзию.

Ставилась ему в вину и та богатая и обеспеченная жизнь, которую он вел после того, как сумел упрочить свое материальное благосостояние, и его пристрастие к картам и т. п.

Многочисленные показания людей, близко знавших Некрасова, опровергают эти обвинения. Чернышевский, например, писал: «Он был хороший человек с некоторыми слабостями, очень обыкновенными». В приводившемся нами выше письме Чернышевский говорил: «Он действительно был человек очень высокого благородства». Ольга Сократовна Чернышевская (жена Николая Гавриловича) писала: «Николай Гаврилович (Чернышевский. — С. А.) был очень к нему (Некрасову. — С. А.) привязан, не только любил, но и уважал. Нечего и говорить о том, что Некрасов вполне заслуживал такое отношение к себе. Сколько небылиц о нем сложили, сколько клевет распустили, а между тем он был простой и добрый человек. Да, простой и добрый... Много добра делал и бедным литераторам, и студентам. И заметьте, не любил об этом говорить. Мало того, требовал, чтобы и другие не говорили, в особенности тем, кому помогал. Николай Гаврилович о нем всегда с неизменной симпатией отзывался».

Ипполит Алексеевич Панаев так характеризует Некрасова: «Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно, как говорится, простой. Но достаточной твердостью характера он не обладал. Обстоятельства сложились так, что ему почти всю жизнь пришлось проводить в полуофициальных кружках. Это не была его естественная среда, потому что в ней он не мог чувствовать себя свободным: внутренние движения были связаны, стеснены, сердце сжато. Вследствие этого, несмотря на врожденные мягкость, снисходительность и простосердечие, внешние приемы казались, иногда, сухими, угловатыми, и от них как бы веяло холодом...»

Определенную роль в возникновении неприязненных слухов и толков играло также то, что Некрасов болезненно любил сам себя обвинять во всяческих преступлениях. Эти самообвинения распространялись в публике, которая принимала взведенные Некрасовым на себя преступления за чистую монету.

В то же время Некрасов не любил говорить о своих добрых делах.

В Некрасове было много благородства. Поразительным было его поведение в так называемом «деле Огарева». Чтобы не скомпрометировать Панаеву, Некрасов берет на себя вину в присвоении чужих денег. Страшное негодование обрушилось на Некрасова. А он, невиновный, угрюмо и упорно молчал. Шестьдесят лет тяготело над ним чудовищное обвинение. И только недавно была установлена скрытая Некрасовым его полная невиновность.

XIV

Надорванный нищетой, голодом, непосильным трудом, которые были участью Некрасова в первые годы петербургской жизни, Некрасов никогда потом не пользовался

полным здоровьем. Он часто впадал в беспричинную и глубокую «хандру». Почти по двое суток валялся он тогда на диване и мрачно молчал.

В 1853 году у него заболело горло. Он потерял голос и говорил пугающим, еле слышным, свистящим шопотом. Три года врачи не могли установить, что это за болезнь. Оправился Некрасов только после поездки в Италию.

В 1875 году у Некрасова появляются признаки болезни, сведшей его в могилу.

Осенью 1876 года Некрасов пишет из Ялты: «Я как скелет, ноги едва двигаются». В октябре этого года он возвращается в Петербург. «Воротился из Крыма Некрасов — совсем мертвый человек», пишет Салтыков в письме к Анненкову.

Умирание длится еще свыше года. Несмотря на болезнь (рак), Некрасов продолжает много писать и работать. Так, живя в Ялте, он пишет четвертую часть знаменитой поэмы «Кому на Руси жить хорошо».

И вот, когда стали гложуть и иссякать силы, когда в сознании измученного болезнью человека все отчетливее стала утверждаться мысль о неизбежности рокового конца, тогда поэт, в эти торжественные и страшные дни, подводит окончательные итоги прожитой жизни. И давящее сомнение закрадывается в душу:

Я умру — моя померкнет слава,
Не дивись — и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата человека,
Только тот себя переживет...

И вот потрясающее обвинение:

Я на столько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

И когда наступит конец и надо будет рассчитываться
с умершим, тогда

... некому будет жалеть.

Когда «Последние песни», в которых выразились думы и чувства умирающего поэта, были напечатаны, когда широкие массы узнали о мучениях поэта и об этих страшных его сомнениях, в обществе поднялась огромная волна сочувствия Некрасову и протеста против его сомнений и самообвинений.

В газетах и журналах, в бесчисленных письмах и телеграммах, приходивших отовсюду, даже из самых глухих углов, узнавшие о тяжелой болезни поэта писали, что неправ он, так жестоко и несправедливо обвиняющий себя, что крепка к нему привязанность и уготована ему огромная — на все века — слава и любовь.

Весной 1877 года Некрасову сделали операцию. Это отдалило смерть на несколько месяцев. Она наступила 27 декабря.

30 декабря 1877 года, в холодное петербургское зимнее утро, четырехтысячная толпа провожала великого поэта к месту последнего упокоения. До самого кладбища гроб несли на руках. Среди венков с надписями: «От русских женщин», «Певцу народных страданий», «Бессмертному певцу народа», «Слава печальнику горя народного» и т. д. выделялся один венок, вокруг которого как-то особенно плотно шла группа молодежи. В карманах у этих суровых и решительных людей лежали револьверы. И если бы полиция попыталась захватить венок, который находился в центре группы, револьверы были бы пущены в действие. По странному недосмотру, полиция венок отобрать не пыталась. Это было действительно странно — на

венке было написано: «От социалистов». Группа молодежи, окружавшая его, состояла из членов «Земли и Воли», представителей южнорусского «бунтарства», из членов рабочих кружков.

Медленно двигалась печальная процессия. Кладбище. Последние приготовления. Гроб опускают в могилу. Настали минуты последнего прощания. Первое надгробное слово произносит В. Панаев.

Он кончил. К могиле протиснулся Достоевский и слабым голосом начал говорить прощальные слова.

Когда он сказал, что некрасовское место вслед за Пушкиным и Лермонтовым, из группы революционной молодежи раздались возгласы, что он выше Пушкина и Лермонтова.

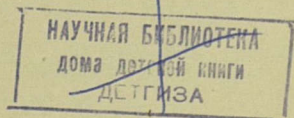
После Достоевского говорил Засодимский, а затем какой-то никому не известный юноша, выдвинувшийся из тесно сплотившейся группы революционеров. Он говорил о революционном значении некрасовской поэзии. Этот юноша был Плеханов — тогда еще член «Земли и Воли».

Речи кончились. В могилу посыпались комья мерзлой земли. И вот уже вырос небольшой холмик над прахом великого человека. А толпа людей все стояла и стояла, неверящая, горестная, и люди говорили шопотом, страшась нарушить великий покой умершего человека...

1

~~26717~~

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕКРАСОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

1. Н. А. НЕКРАСОВ (Биография)
2. Стихотворения, сборник I
3. Стихотворения, сборник II
4. Стихотворения, сборник III
5. Стихотворения, сборник IV
6. Стихотворения, сборник V
7. Стихотворения, сборник VI
8. Саша
9. Мороз-Красный нос
10. Денабристки (Русские женщины)